

Об участи грешников.

«Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое...» (Рим.2,9)

В чем будут состоять муки грешников? Мучения, на которые будут осуждены грешники праведным судом Божиим, слово Божие изображает разными чертами и с разных сторон. Оно упоминает:

1. Об удалении грешников от Бога и их проклятии. "Идите от Мене проклятии /Матф. XXV, 41/- скажет им грозный Судия,- не вем вас, отступите от Мене вси делатели неправды"/Лук. XIII, 27; снес. Матф. VII, 23/. И это удаление от Бога и проклятие будет для несчастных само по себе величайшим наказанием.

2. О том, что грешники будут лишены всех благ Царствия небесного, которых удостоятся праведники. Сам Спаситель засвидетельствовал, что, тогда как мнози от восток и запад приидут и возягут со Авраамом и Исааком и Иаковым в Царстве Небесном, недостойные сынове царствия изгнаны будут во тьму кромешнюю /Матф. VIII, 11-12; снес. 22, 13/ и, находясь в муках, будут зреть Авраама издалежа и праведников на лоне его /Лук. XVI, 23/.

3. О месте, куда удалены будут грешники и об их сообществе. Место это называется то бездною, страшною и для самих демонов /Лук. VIII, 31/, то адом /Лук. XVI, 22/, или землею тьмы вечная, идеже несть света /Иов. X, 22/, то геенною огненною /Матф. V, 22-28/, пещию огненною /13, 50/, езером огненным и жупельным /Апок. XIX, 20; XX, 14; XXI, 8/. И в таком-то месте грешники, в продолжение целой вечности, не будут видеть вокруг себя никого, кроме отверженных духов злобы, бывших главною причиною их гибели /Матф. XXV, 41/.

4. О внутренних мучениях грешников во аде. Тогда исполнятся на них во всей обширности слова апостола: скорбь и теснота на всяку душу человека, творящего злое /Рим. II, 9/. Воспоминание протекшей жизни, которую так безрассудно погубили они на порочные дела, непрестанные укоры совести за все когда-либо содепанные беззакония, позднее сожаление о том, что не воспользовались богодарованными средствами ко спасению, тягостнейшее сознание, что уже нет возможности покаяться, исправиться

и спастись,- все это будет терзать несчастных непрестанно. "Та- пишет св. Василий Великий, - которые делали зло, воскреснут на поругание и стыд, чтобы увидеть в самих себе мерзость и впечатление соделанных ими грехов. И может быть, страшнее тыи и вечного огня тот стыд, с которым увековечены будут грешники непрестанно имея перед глазами следы греха, сделанного во плоти, подобно какой-то невыводимой краске, навсегда остающейся в памяти душ их".

5. О внешних мучениях грешников во аде. Эти мучения представляются в св. Писании под образами червя неумирающего и гораздо чаще огня неугасающего. Христос Спаситель, предохраняя нас от соблазнов, сказал между прочим: "Аще нога твоя соблазняет тя, отсецы ю" "И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромоу, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает"/Марк. IX, 45-46/; в притче о богатом и Лазаре заметил? что богат, находящийся по смерти своей во аде, страждет во пламени /Лук XVI, 24/. А на всеобщем суде произнесет грешникам: "Идите от Мене проклятии во огонь вечный" /Матф. XXV, 41/.

"О, коль страшен тот огонь, которого и сам сатана трепещет!- восклицает св. Димитрий, митрополит Ростовский. Если для бесов бездна гееннска страшна, кольми паче для людей должна быть ужасна и трепетна". Если и здесь огненная казнь, на которую когда человек бывает осужден, страшна, то несравненно страшнее то наказание, которое последует в геенне огненной. Бесы не боятся здешнего огня так же, как и мы не боимся огня, изображенного на доске /на картине/, - а гееннского огня трепещут. Этот огонь сожигает только телесное вещество, а тот жжет и мучит бесплотных духов.

огонь неугасающий.

Что такое огонь неугасающий? Прямого ответа на этот вопрос мы не находим ни в Св. Писании, нив учении Церкви.

324

Пусть, и после этих доказательств иные будут отвергать вечную муку. Пусть делают те и другие, умные и неразумные, возражения против настоящего догмата веры.

Пусть с насмешкою говорят: "Разве кто возвращался с того света?" Пусть шутят над адом и огнем адским, называя все это верованием одних простолюдинов и хвалясь какою-то неустрашимостью. Но истина, которая столько раз и в столь ясных словах проповедана в слове Божиим и изъяснена св. отцами, останется непреложной истиной: она ничего не потеряет от неправильных толкований, разных смягчений, от острот и шуток.

За это-то самое, т.е. за то, что некоторые не верят ей и таким образом без всякого страха Божия проводят здешнюю жизнь, и постигнет неверующих вечный огонь.

Другие нарочито отдаляют от себя мысль об аде, чтобы совсем не беспокоить себя. Но это значит повторять ропот нечистых духов, которые говорили к Иисусу Христу в бесноватом: пришел еси сего прежде времени мучить нас.

Это значит **тем** скорее дойти до вечного беспокойства, потому что тот только менее грешит каждый день, кто предполагает о каждом своем дне, что это может быть последний день в его жизни, что затем настанут для него суд и вечность. Третьи хотя и не уклоняются от размышления о будущей участи грешников, но таят в душе своей сожаление, что Бог слишком правосуден. Так и жена Лота хотя и боялась содомского пламени, но еще не всем сердцем отвергла Содом, еще сердце ее стремилось к Содому, и за это самое превратилась в соляной столп. Нет, дорогой читатель, мы должны здесь обратить свое сожаление только на то, что нераскаянностью своей навлекаем на себя вечный гнев Божий.

Священник Григорий Дьяченко

Поэтому св. Иоанн Дамаскин об огне адском выражается так: "Грешники будут преданы огню вечному, не такому вещественному, как у нас, но такому, какой **известен** одному Богу". И блаженный Августин: "каков огонь, какого рода и в каком месте вселенной, того, думаю, никто из людей не может знать, кроме разве Того, кому откроет Дух Божий".

Слово Божие, говоря об огне гееннском, усваивает ему странные, **повидимому**, свойства. Оно, во-первых, называет его неугасимым; во-вторых - огнем, в котором не будет ни луча света, который будет непроглядною тьмою. На этих чудных свойствах адского огня, как свойствах, заслуживающих особенное внимание, размышляющих о нем; останавливались многие отцы и учителя Церкви.

Как же понимать чудные свойства адского огня и какое составить понятие о нем?

Ключ к разрешению этого вопроса мы **думаем видеть** в словах самого Иисуса Христа, заимствуемых из Его Притчи "О богатом и Лазаре". Во **время** земной своей жизни, - как сказано в начале притчи, богатый каждый **день** пирашествовал **блистательно**: по вся дни веселился светло. После такого рода земной жизни, какой род мучений выпал **на долю богача**? У него опалается **нестерпимо** жгучим огнем гортань; **для нее** просит прохладения у Авраама несчастный страдалец. **Чем грешил он во время земной своей Жизни, то и опалается** адским огнем; страдалец был сластолюбец, и страдает у него орган сластолюбия, язык. Какое же понятие об адском огне, имеющем опалать нераскаянных грешников, следует из притчи Христа Спасителя? Приточный страдалец горит в огне своей земной страсти. **Ими же** страдалец согрешал, **сими** и мучится. Отсюда так естественно следует, что всякий нераскаявшийся грешник будет опалаться в геенне огнем своей страсти, опалаться настолько, насколько органы срасти уклонялись от естественного употребления их к **неестественному, от - нормального к ненормальному, от законного к незаконному**. Каждый из отходящих в геенну будет **вопить подобно** приточному страдальцу: **стражду в пламени сем, в пламени моей земной склонности**.

В этом источнике будет заключаться и разнообразие адского огня для разного рода грешников, о чем святой Ефрем Сирийский говорит так: "Иначе мучится прелюбодей, иначе убийца, иначе вор и пьяница". Св. Василий Великий говорит: "Живущие страстно имеют собственный огонь страстей, как и богач имел внутри себя причину, которая палила его жаждою". Или: "Сами себя приуготавливаем к тому, чтобы стать годными к сожжению, и как искры огненные, возгнетаем в себе душевные страсти для возгорания гееннского пламени, как и палимый жаждою в пламени богатый".

червь неумирающий

Что это за червь? И на этот вопрос, как на вопрос об огне гееннском, не находим прямого ответа ни в Писании, ни в учении Церкви. Отстраняя мысль об исключительно духовном понимании этого рода адского мучения, имеющего, по словам некоторых богословов, символический смысл и обозначающего терзания совести при воспоминании о гнусных делах, совершенных в этой жизни, богомудрые отцы и учителя Церкви признают буквальный смысл учения о неумирающем черве, хотя и не объясняют, что это за червь. Так, например, св. Василий Великий в слове "о будущем суде" говорит: "Вообрази себе червей род некий **ядовитый и плоти** снedaющий, который **всегда** ест и никогда **насыщен быть не может, нестерпимые болезни** угрызениями своими причиняя".

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА вечности мучений

Святые толкователи Писания, отцы и учителя Церкви, все не иначе принимали учение Слова Божия об участи нераскаянных грешников на том свете, как в смысле бесконечной муки их.

Один из древних церковных писателей, весьма знаменитый своею ученостью и трудами на пользу Церкви, некто Ориген, допустил было такую мысль, что после некоторого времени мучения грешников и окончатся.

Но Святая Церковь признала, его учение ложным и на целом Вселенском Соборе (пятом) осудила его.

Много размышлял и беседовал о вечном осуждении грешников особенно Ефрем Сирийский. Затем о муке вечной говорили святые мученики на местах своей казни.

Значит высказывали свое убеждение в ней в такие часы, когда говорить ложь и не им только, но и другому кому, было бы страшно, и когда притом с ними, пребывали особенная благодать Божия, которая сколько укрепляла их дух и тело в муках, столько же и просвещала их ум истиною. Так, священномученик Поликарп на угрозу мучителя - сжечь его на костре, отвечал проповедью о вечном огне, в котором будут гореть подобные мучителю злодеи.

(Из книги "Из области таинственного" священника, магистра Григория Дьяченко, Москва, 1900г.)

Тригеенских муки Н. А. МОТОВИЛОВА

На одной из почтовых станций по дороге из Курска Мотовилову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате проезжающих, он достал из чемодана свои рукописи и стал их разбирать при тусклом свете одинокой

свечи, еле освещавшей просторную комнату. Одной из первых ему попала записка об исцелении бесноватой девицы из дворян, Еропкиной, у раки святителя Митрофана Воронежского.

"Я задумался, - пишет Моторилов, - как это может случиться, что православная христианка, приобщающаяся Пречистых и Животворящих Тайн Господних, вдруг одержима бесом и притом такое продолжительное время, как тридцать с лишним лет". И подумал я: "Вздор! Этого быть не может!"

Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения!"... И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползающего в него облака, оно вошло в него все, несмотря на все его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамения, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительно ужасное свершилось, и для Николая Александровича наступил период

Вторая мука в течение двух суток - тартара лютого гееннского, так что и огонь не только жег, но и согревать меня не мог. По желанию его Высокопреосвященства, я с полчаса держал руку над свечой, и она вся закоптела

донельзя, но не согрелась даже. Опыт сей удостоверительный я записал на целом листе и к тому описанию рукой моею, и на ней свечною сажей мою руку приложил. Но обе эти муки Причащением давали хоть мне возможность пить и есть, и спать немного я мог при них, и видимы они были всем.

Но третья мука гееннская, хотя на полтора суток еще уменьшилась, ибо продолжалась только полтора суток и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание отнеописуемого и непостижимого.

Как я жив остался от нее! Исчезла она тоже от исповеди и Причащения Святых Тайн Господних. В этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была - червя неусыпаемого гееннского. И червь этот никому более, кроме меня самого и Высокопреосвященнейшего Антония, не был виден; но я при этом не мог ни спать, ни есть, ни пить ничего. Потому что не только я весь сам был преисполнен этим наизлеишим червем, который ползал во мне во всем и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность и; выползаючи через рот

уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него.

И я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо не даром подалось мне это свыше от Господа видение, да и не возможет кто подумать, что я дерзаю vsue Имя Господне призывать. Нет!

В день Страшного суда Господня Сам Он Бог, Помощник и Покровитель мой, засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного Промысла деяние, во мне Им совершенное". Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания, Мотовилов имел видение своего покровителя, Преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей Святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Только через тридцать с лишком лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцеления по великой своей вере. (Из книги С. Нилуса "Великое в малом")

7

тягчайших мучений. В этих страданиях он вернулся в Воронеж к
Антонию. Рукопись его дает такое описание мук;
"Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во
сне и не в привидении три гееннские муки. Первая - огня
несветимого и неугасимого ничем более, как лишь одною
благодатью Духа Святаго. Продолжались эти муки в течение трех
суток, так что я чувствовал, как сжигался, но не сгорал. Со всего
меня по 6 или 17 раз о сутки снимали эту
гееннскую сажу, что было видимо для всех. Перестали эти муки лишь
после исповеди и причащения Святых Тайн Господних молитвами
архиепископа Антония и заказанными им по всем 47 церквам
Воронежским и по всем монастырям заздравными за болящего
боярина раба Божия Николая ектениями.

ТРИ ЧАСА В АДУ

Один расслабленный, изнемогая в духе терпения, с воплем, просил Господа прекратить его страдальческую жизнь.

- Хорошо, - сказал явившийся однажды больному Ангел,-Господь, как неизреченно благ, соизволяет на твою молитву; Он прекращает твою временную жизнь, только с условием, вместо одного года страданий на земле, которыми всякий человек, Как золото в огне, искушается, согласен ли ты пробыть три часа в аду? Твои грехи требуют очищения в страданиях собственной твоей плоти: ты должен бы еще быть в расслаблении год, потому что как для я тебя, так и для всех верующих, нет другого пути к небу, кроме крестного, проложенного безгрешным Богочеловеком. Этот путь тебе уже наскучил на земле; испытай что значит ад, куда идут все грешники; впрочем, только испытай в течение трех часов; а там молитвами св. Церкви ты будешь спасен. Страдалец задумало. Год страданий на земле - это ужасное продолжение времени! Лучше же я вытерплю три часа, сказал он сам себе, чем год.

"Согласен в ад", - сказал он наконец Ангелу. Ангел тихо принял на свои руки его страдальческую душу и, заключивши ее в преисподних ада, удалился от страдальца, со словами: "через три часа явлюсь я за тобой". Господствующий повсюду мрак, теснота, долетающие звуки неизъяснимых грешнических воплей, видение духов злобы, в их адском безобразии — все это слилось для несчастного страдальца в невыносимый страх и томление. Он всюду видел и слышал только страдание, и ни ползвуха радости в необъятной бездне ада: одни лишь огненные глаза демонов сверкали в преисподней тьме и носились пред ним их исполинские тени, готовые сдавить его, сожрать и сжечь своим гееннским дыханием. Бедный страдалец затрепетал и закричал; но на его крик * и вопли отвечала только адская бездна своим замирающим в дали эхом и клочкотание гееннского пламени, которое клубилось в виду трепетавшего заключенника. Ему казалось, что целые века страданий протекли уже; с минуты на минуту ждал он к себе светоносного Ангела; но Ангела не было.

Наконец, страдалец отчаялся в его райском появлении и, скрежеща зубами, застонал, заревел, что было силы; но никто не внимал его воплям. Все грешники, томившиеся в преисподней тьме, были заняты собою, своим собственным только мучением, и ужасные демоны, в адской радости, и с хохотом вскрикивали: "вот славно! пару и жару для жданных гостей"! Наконец, тихий свет Ангельской славы разлился над бездною. С райскою улыбкою подступил Ангел к нашему страдальцу и спросил:

- Что, каково тебе, брат?

- Не думал я, что в этот Ангельских могла быть ложь, - прошептал едва слышным, перерывающимся от страданий голосом заключенник.

- Что такое? - возразил Ангел.

- Как, что такое? - произнес страдалец, - ты обещался взять меня отсюда через три часа, а между тем целые годы, целые, кажется, века протекли в моих невыразимых страданиях!...

- Помилуй, что за годы, что за века! - кротко и с улыбкою отвечал Ангел, - час еще только прошел со времени моего отсутствия отсюда, и два часа еще сидеть тебе - здесь.

- Как два часа? - в испуге спросил страдалец, - еще два часа? А это - час только протек? Ох! Не могу терпеть; нет силы! Если только можно, если только есть воля Господня, - умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на земле я буду страдать годы и веки, даже до последнего дня, до самого пришествия Христова на суд, только выведи меня отсюда.

Невыносимо! Пожалей меня - со стоном воскликнул страдалец, протирая руки к светлому Ангелу.

- Пожалуй, - отвечая Ангел, - Бог, как Отец щедрот и утечи, удивляет на тебе благодать Свою. При этих словах страдалец открыл глаза и видит, что он по-прежнему на своем болезненном ложе. Все чувства его были в крайнем изнеможении; страдания духа отозвались и в самом теле; но он с той поры уж в сладость терпел и переносил свои страдания, приводя себе на память ужас адских мучений и благодаря о: всем-милующего Господа.

1. За тебя дорого заплачено.

С изумлением смотрю на одного русского схимника Панкратия, который уже шесть лет страдает ранами на ногах, и в такой степени, что сердце обливается кровью, если смотреть на его Иовские страдания.

О. Панкратин, в миру Парамон, был господский человек. Суровая госпожа его готова была высосать из него самую кровь. Бедный отрок не вытерпел; он тайно убежал от своей барыни и, во что бы то ни стало, решился выбраться за границу, и ушел за Дунай, где несколько времени оставался в услужении русских; тоже перебежавших за границу. Случай прихода Панкратьева на св. Гору странен: он был задушевным другом одного на малороссов, который почему-то удушился. Чувствительный Панкратий был сильно тронут и поражен вечною потерей сердечного друга; он пламенно молился Богу о помиловании несчастного, и, видя, как суетна мирская жизнь, бросил ее и удалился на св. Гору. Здесь, в Русике, нашел он желаемое спокойствие духа, несмотря на то, что нога его уже сгнивала от ран, которые были следствием жестокой простуды. Впрочем, как ни ужасны страдания о. Панкратия, он ликует себе и часто даже говорит мне: "поверь, что я согласен сгнить всем телом; только молюсь Богу, чтоб избавил меня от сердечных страданий, потому что они невыносимы".

- А в небесах ведь очень хорошо! - с улыбкой иногда восклицает Панкратий.

- Как же ты знаешь это? - спросил я его однажды.

- Прости меня, - отвечал он, - на подобный вопрос я бы не должен тебе отвечать откровенно; но мне жаль тебя в твоих сердечных страданиях, и я хочу доставить тебе хоть малое утешение моим рассказом.

- Что ж ты видел? - спросил я о. Панкратия.

- Помню, - отвечал он, когда однажды я задремал, удивительной ангельской красоты отрок подходит ко мне и спрашивает: "Тебе больно, о. Панкратий"?

- Теперь ничего, - отвечал я, - слава Богу!

- Терпи, - продолжал отрок, - ты скоро будешь свободен; потому что тебя купил Господин и очень-очень дорого:-

- Как, я опять куплен? - возразил я.

- Да, куплен, - отвечал с улыбкою отрок, - за тебя дорого заплачено, и Господин твой требует тебя к Себе. Не хочешь ли пойти со мной? - спросил он. Я согласился.

Мы пошли по каким-то слишком опасным местам; дикие огромные псы готовы были растерзать меня, злобно кидаясь на меня; но одно слово отрока, и они вихрем неслись от нас.

Наконец мы вошли на прекрасное, чистое и светлое поле, которому не было, кажется, и конца.

- Теперь ты безопасен, - сказал мне отрок, - иди к Господину, который вон, видишь, сидит в дали.

Я посмотрел, и действительно увидел трех человек, рядом сидевших. Удивляясь красоте

места, радостно пошел я вперед, лики неизвестных мне людей, в чудном одеянии, встречали и обнимали меня; Даже множество в прекрасных девиц, в белом, царственном убранстве, видел я: они скромно приветствовали меня и молча указывали в даль, где сидели три незнакомца. Тогда как я приближался к сидящим, двое из них встали и отошли в сторону; третий, казалось, ожидал меня. В тихой радости и в каком-то умильном трепете, я приблизился к Незнакомцу.

- Нравится ли тебе здесь? - кротко спросил меня Незнакомец.

Я взглянул на лицо Его: оно было светло; царственное величие отличало моего нового Господина от людей обыкновенных. Молча упал я в ноги к Нему, и с чувством поцеловал их; на ногах Его были насквозь пробитые раны. После того я почтительно сложил на груди моей руки, прося позволения прижать к моим грешным устам и десницу Его. Не говоря ни слова, Он подал ее мне. И на руках Его были также глубокие раны. Несколько раз облобызал я десницу Незнакомца и в тихой, невыразимой радости смотрел на Него. Черты моего нового Господина были удивительно хороши: они дышали кротостью и состраданием, улыбка любви и привета была на устах Его; взор выражал невозмутимое спокойствие сердца Его.

- Я откупил тебя у госпожи твоей; и ты теперь навсегда уже Мой, - начал говорить мне Незнакомец. - Мне жаль было видеть твои страдания; твой детский вопль доходил до Меня, когда ты жаловался Мне на госпожу твою, томившую тебя холодом и голодом; и вот ты теперь свободен навсегда. За твои страдания, Я вот что готовлю тебе...

Незнакомец указал мне отдаление: там было очень светло; красивые сады, в полном своем расцвете, рисовались там, и великолепный дом блестел под их эдемской сенью.

- Это твое, - продолжал Незнакомец, - только не совсем еще готово; потерпи. Когда наступит пора твоего вечного покоя, Я возьму тебя к Себе; между тем побудь здесь, посмотри ни красоты места твоего, потерпи до времени; претерпевый до конца, той спасен будет!

- Господи! - воскликнул я вне себя от радости, - я не стою такой милости! - При этих словах я бросился Ему в ноги, облобызал их; но когда поднялся, передо мною никого-то и ничего не было. Я пробудился. Стук в току (доску) на утреню раздался по нашей обители, и я встал тихонько с постели на молитву. Мне было очень легко, а что я чувствовал, что было у меня на сердце: это моя тайна. Тысячи лет страданий отдал бы я за повторение подобного видения. Так оно было хорошо!...

В один из страдальческих дней о. Панкратия, болезнь его дошла до такой степени, что он потерял присутствие духа от ее невыносимости и впал в тихое бессознание. С о чувством братской сострадательной любви окружали мы нашего страдальца, молились о нем и сострадали духом. О трудном положении о. Панкратия довели до сведения геронты-Игумена, который приказал прочесть над больным все Евангелие, то есть, всех четырех Евангелистов, а потом пособоровать его маслом. Едва только в

первый раз ознаменовали св. елеем больного, он пришел в себя, успокоился и, по совершении Таинства, погрузился в тихий сон.

В тот же день он оправился, и, оставаясь только в изнеможении, рассказал нам СВОЕ таинственное видение в минуты самозабвения. Ему грозили пыткой и клокотавшего геенною какие-то страшилища; и на вопрос его: что это? - они отвечали: "Для чего ты молился за удавившегося. Самая теперешняя болезнь твоя - наказание тебе за молитвы, которыми ты огорчал величество Божие, и ни мало не доставлял утешения отверженнику, для которого нет уже ни жертвы искупления, ни помилования во веки. С тех пор о. Панкратий остается в одинаково болезненном положении, умоляя Господа, да не даст ему ослабы или здоровья, но да ниспошлет ему, взамен того, дух терпения к достойному ношению страдальческого креста.

2. Бесценный дар.

История Церкви представляет нам удивительные образцы самоотвержения, и каким некоторые из святых обрекли себя на все страдания настоящей жизни. Я злишнее, считаю указывать вам на эти образцы. Если вы читаете Пролог и Четь-Минею; там вы найдете их. Между тем я расскажу вам, как один здешний старец долго молился Богу, чтоб Он наказал его здесь за грехи и помиловал бы там - за гробом. Непрестанный молитвенный вопль старца, наконец, проник небеса и дошел до Господа Бога. Бог, как любовь, с участием внял желанию старца и благоволил утешить его собственным Своим явлением. Однажды, на обычной молитве, старец прилег отдохнуть и погрузился в тихий сон. И первые мгновения сна он был поражен ослепительным сиянием, разлившимся по келье. Старец боязненно осмотрелся, и его взоры остановились на кресте, к которому пригвожден был Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос; терновый венец лежал на израненной главе Его; из рук, из ног и из ребер: Его кровь струилась потоком; от лица Искупителева, от Его кротких взоров исходило удивительное сияние. Старец затрепетал от радости; пал пред Господом на колени и залился слезами...

- Что ты так горько и беспрестанно плачешь? чего ты хочешь от Меня? - спросил кротко с креста Спаситель плачущего старца.

- Господи! - воскликнул старец, умиленно скрестивши на груди руки; - Ты знаешь, как я огорчил Тебя; Ты видишь, как много у меня грехов; покарай меня за них в настоящей жизни, как Тебе угодно, и помилуй меня по смерти. Более ничего я не хочу, более ничего я не прошу от Тебя!

- Хорошо, - отвечал Господь, - будет по твоему желанию; Я дам тебе дар такой же, какой дан Мною и твоему старцу.

Видение кончилось. Старец, сильно потрясенный чувствами неизъяснимой радости от лицезрения и сладкой

беседы с Господом, не пробуждаясь еще, ощутил, что его внутренность вся как будто надорвалась; он пробудился, и действительно увидел, что у него появилась огромная грыжа, и осталась таковою навсегда; самый бандаж впоследствии не помогал ему в страдальческом положении. Духовник этого старца с давних пор тоже мучится грыжею. Судите же после этого как надобно понимать цену болезни и здоровья. Если здоровье драгоценный Божий дар, то нездоровье можно по справедливости назвать уж бесценным даром; потому что первое часто погружает нас в опасное самозабвение, тогда как последнее, т. е. нездоровье, и нераскаянного грешника часто обращает на путь искреннего раскаяния и правды.